Cahiers du
MONDE RUSSE

Cahiers du monde russe

Russie - Empire russe - Union soviétique et États
indépendants

48/2-3 | 2007
Les résonances de 1905

Rossijskoe studenčestvo v 1905 g.

Anatolij E. IVANOV

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9002>

DOI : 10.4000/monderusse.9002

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 15 avril 2007

Pagination : 275-284

ISBN : 978-2-7132-2147-7

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Anatolij E. IVANOV, « Rossijskoe studenčestvo v 1905 g. », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 48/2-3 | 2007, mis en ligne le 01 janvier 2007, consulté le 04 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9002> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9002>

Tous droits réservés

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_482&ID_ARTICLE=CMR_482_0275

Rossijskoe studenčestvo v 1905 g

par Anatolij E. IVANOV

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2007/2-3 - Vol 48

ISSN 1252-6576 | ISBN 9782713221477 | pages 275 à 284

Pour citer cet article :

– E. IVANOV A., Rossijskoe studenčestvo v 1905 g, *Cahiers du monde russe* 2007/2-3, Vol 48, p. 275-284.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

АНАТОЛИЙ Е. ИВАНОВ

РОССИЙСКОЕ СТУДЕНЧЕСТВО В 1905 Г.

Главный смысл этой статьи в том, чтобы представить читателю обобщенный политический портрет российского студенчества в 1905 г., самом значимом году Первой русской революции по размаху, решительности и напряженности всенародной борьбы против самодержавного государства. Едва ли не центральную роль в этой борьбе тогда сыграла демократическая в своем большинстве молодая российская интеллигенция – студенчество. Именно в 1905 г. произошел самый мощный, поистине вулканический, выплеск его революционной энергии. В политическую борьбу той революционной эпохи оно включилось как самостоятельная социальная сила со своей тактикой и стратегией противоправительственной борьбы. Всего лишь ее отголосками представляются последующие, вплоть до февраля 1917 г., события студенческого движения в России. И если обратиться к историческим аналогиям, то по массовости и ожесточению антисамодержавных выступлений российских студентов в 1905 г., пожалуй, с ними могут сравниться события «студенческой революции» 1968 г. в Европе, и, в первую очередь, во Франции.

Историография темы статьи сложилась в советскую эпоху – в основном в 60-80-е годы XX в. Достоинство этого внушительного комплекса монографий, диссертаций, статей, документальных публикаций составляет аккумулированная в них обширнейшая фактография, сформированная в результате архивно-библиотечно-эвристической деятельности значительного числа авторов. Общий порок этих трудов – в общеметодологической ограниченности марксистским постулатом о руководящей роли (гегемонии) пролетариата (читай – партии большевиков) по отношению к студенчеству в освободительном движении. Несостоятельность этой методологической установки точно обосновал профессор Р.Ш. Ганелин: «Среди классов и социальных групп Российской империи, участвовавших в массовом революционном движении на пороге XX в. и в начале его, советская историография традиционно отводила студентам третье место, считая первое принадлежащим рабочим, а второе – крестьянам. Сомнительность этого строгого распределения тем более очевидна, что роль

революционной интеллигенции в сокрушении старого строя признают теперь, кажется, все, в том числе те, кто ее в этом обвиняет»¹.

Предлагаемая вниманию читателя статья – одна из немногих пока попыток вывести из методологической тени советской историографии историю студенческого движения в Российской империи конца XIX – начала XX в.

* * *

В Первую русскую революцию студенчество включилось активно действующим субъектом общественно-политического процесса. Будучи молодой интеллигенцией, имея единый социально-генетический код с интеллигенцией «взрослой» по общей полисоловной природе, оно, вместе с тем, представляло собой достаточно самостоятельную корпоративную общность со специфическими условиями повседневной жизни, высокой концентрацией в местах обучения (в основном в крупнейших городах Российской империи), сходным материально-бытовым положением, единой субкультурой. Эти фундаментальные качества предопределяли такую важную черту его общественной психологии, как развитый общественный интеллект, способность к согласованным протестным действиям. К 1905 г. студенчество уже обладало большим опытом организационной самостоятельности, умением использовать в интересах освободительных легальные и нелегальные корпоративные институты. Словом, оно давно было сплочено в неподконтрольную учебной и общей администрации корпорацию на основе запрещенных землячеств, института выборных курсовых старост, библиотек нелегальной литературы, касс взаимопомощи и прочих атрибутов материально-бытовой и субкультурной жизнедеятельности учащейся молодежи. И главное: эти институты самоуправления были адаптированы к участию студентов в политической жизни страны, втягиваемой в воронку революционной ситуации.

И еще об одном корпоративном качестве социального поведения интеллигентной молодежи – ее склонности к массовидным типологически сходным по формам коллективным протестным выступлениям (сходка, обструкция, демонстрация, забастовка). Притом в разных количественных составах участников и географических масштабах: высшее учебное заведение, университетский город, всероссийский охват. К Первой русской революции студенчество пришло вооруженным традицией массовых антиправительственных действий – всероссийских академических забастовок 1899-1902 гг., антивоенных выступлений 1904 г. в связи с началом злосчастной Русско-японской кампании. В то время студенчество действовало фактически в одиночку, без союзнической поддержки демократических непролетарских слоев города и рабочего класса. Но это была хорошая школа подготовки к участию во всеобщей народной борьбе с самодержавной властью.

Студенчество было гремучей социальной смесью. В нем интегрировались силы протеста против политической системы самодержавия, подспудно

---

1. Р.Ш. Ганелин, *Тартуское студенчество на пороге XX века*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2002, с. 3.

назревавшие во всех сословиях, представленных в корпусе молодой российской интеллигенции.

Тонус общественной жизни студенчества кануна Первой русской революции определялся также его возрастной принадлежностью к российской молодежи. Отсюда – известная раскрепощенность социального поведения, эмоциональная взрывчатость, резкость, заостренность форм протеста против академического и гражданского бесправия, склонность к радикальному образу мыслей и действий.

К 1905 г. студенческое сообщество было дифференцировано фактически по всему спектру политических направлений, присущих русскому обществу той исторической поры. Забегая вперед, заметим, что в период Первой русской революции на авансцене политического театра студенчества действовали все без исключения партии социалистического, либерального, промонархического толка². Речь, конечно, идет не о поголовной организационной партийности студентов, а об их идейно-политической структурированности, не столько осознанно-идейной, сколько импульсивно-эмоциональной, а потому весьма изменчивой.

Политические партии активно «эксплуатировали» способность студенчества к высокой общественной мобильности. Накануне революции партийные студенческие ячейки действуют во всех высших учебных заведениях, оттеснив в тень с арены политического борения привычные академические организации. Особенно успешны в этом оказались радикальные партии социалистического толка и, в первую голову, социал-демократическая (большевистского и меньшевистского изводов), бескомпромиссно выступавшие за свержение самодержавия и установление в России республиканского политического строя.

Восходящая к 80-м годам XIX в. связь русских марксистов со студенчеством к началу Первой Русской революции окрепла. Большевики-ленинцы при всей своей склонности к «интеллигентоедству» относились к студенчеству как к потенциально ближайшему союзнику пролетариата. И не без основания. В силу своего традиционного народолюбия оно действительно тяготело к политическому взаимодействию с рабочим классом как наиболее массовой и объективно организованной революционной силой города. В постановлении сходки студентов Петербургского горного института 11 января 1905 г. было записано: «Считать нравственной обязанностью всех товарищей помогать рабочему движению»³. 16 января в Киевской политехническом институте было распространено письмо-обращение студентов к рабочим железнодорожных мастерских с призывом к совместной забастовке⁴. С такими же призывами к солидарной борьбе с самодержавием обращались к рабочим студенты

2. Подробно см.: А.Е. Иванов, *Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: Опыт культурной и политической самоорганизации*, М.: Новый хронограф, 2004, с. 284–388.

3. П.С. Гусятников, *Революционное студенческое движение в России*, М.: Мысль, 1971, с. 145.

4. *Из истории Киевского политехнического института (1898–1917)*: Сб. док. и материалов, Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1961, с. 65.

Демидовского юридического лицея в Ярославле, Казанского, Томского университетов и других высших учебных заведений⁵. Вот почему в период Первой русской революции В.И. Ленин буквально не скупился на превосходной степени комплименты в адрес учащейся молодежи: «боевая сила революции», «авангард всех демократических сил», «легкие отряды буржуазной демократии», «самая отзывчивая часть интеллигенции», «свежий ветерок», «свободная и юная революционная стихия»⁶.

Близость студенчества к «городской демократии», да и сам городской по месту основного действия характер антисамодержавного движения снижали популярность среди молодой интеллигенции политических догматов Партии социалистов-революционеров с ее нацеленностью на крестьянскую революцию. Многим студентам не были близки призывы эсеров направляться в деревню для противоправительственной агитации среди крестьян.

Подавляющее большинство общественно активного студенчества в момент пика революции отвергало и «прогрессистскую» либеральную доктрину перманентной трансформации российского самодержавия – в конституционную монархию, на манер английской. Либерально-монархическая идея сама по себе вызывала у студентов острую политическую идиосинкразию и снижала рейтинг популярности среди них будущих конституционных демократов. В связи с этим характерен такой пример: на предвыборном в Совет старост Петербургского университета собрании в октябре 1905 г. заявление одного из ораторов о приверженности доктрине ограниченной монархии вызвало дружный смех присутствующих⁷.

Расстановка политических сил в студенчестве накануне и в период Первой русской революции будет обеднена без понятия «равнодушные», «индифферентные» или стоявшие в стороне от политики. Количественно они всегда превышали любую из политических групп учащейся молодежи. Их число убывало в моменты наибольшего напряжения студенческого движения, как это было сразу после 9 января 1905 г. и прибывало, нередко существенно, в периоды относительной стабилизации обстановки в высшей школе, как это произошло, например, осенью 1907 г. Главная же объективная общественная функция этой категории студенчества заключалась в том, чтобы быть резервом политически активных групп учащихся – от крайне левых до черносотенных. В этом отношении «индифферентные» были барометром политической активности студенчества в целом.

Таковой в самой общей форме была идейно-политическая и социально-психологическая диспозиция умонастроений студенчества накануне Первой русской революции.

---

5. А.Е. Иванов, *Демократическое студенчество в революции 1905–1907 гг.*, Исторические записки, 1982, № 107, с. 177–178.

6. В.И. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 7, с. 343; т. 11, с. 351, 382; т. 12 с. 24; т. 22, с. 319.

7. А. Дзяконов, *1905 и 1906 годы в Петербургском университете: Сходки и митинги. (Хроника). Совет старост: Очерк*, СПб.: Изд. И. Балашова, 1907, с. 58–59

* * *

На события 9 января в Петербурге студенчество откликнулось Всероссийской забастовкой, остановившей занятия в 39 высших учебных заведениях, в которых состояло примерно 40 тыс. учащихся. О том, насколько «забастовочный синдром» захватил политическое сознание студентов, говорят, например, следующие данные по состоянию на январь–февраль 1905 г.: в Московском университете за прекращение занятий проголосовали 2635 чел. против 102; в Петербургском – 2398 против 88; в Харьковском – 1088 против 7; в Юрьевском – 104 против 3; в Киевском политехническом институте – 996 против 3⁸.

Эта забастовка разительно отличалась от всеобщих протестно-студенческих акций 1899-1902 гг. Во-первых, тем, что была объявлена не только против полицейского режима в высшей школе, а в знак солидарности с забастовавшими рабочими и служащими с целью давления на власть. Закрыв высших учебных заведений, писали в своей резолюции 6 февраля 1905 г. студенты Юрьевского университета, есть «частичная приостановка правильного функционирования государственного механизма». Всероссийская студенческая забастовка проводилась под лозунгами свержения самодержавия, установления демократической республики, созыва всенародного Учредительного собрания. Мы требуем, писали студенты Петербургского технологического института «Учредительного собрания представителей народа (граждан и гражданок), выбранных всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием... Только освобождение от самодержавно-бюрократического гнета, насилия, произвола может дать нам академическую свободу»⁹. В резолюции общего собрания студентов Петербургского университета (2,5 тыс. чел.) было записано: «Университет должен быть закрыт, ибо студенчество не может заниматься наукой в той стране, где властвует полный произвол... Закрыв университет, мы дадим товарищам полную возможность направить свою энергию на пользу грядущей, неизбежно близящейся революции»¹⁰.

Во-вторых, особенность этой забастовки заключалась в том, что решение о ней было не спонтанным, а принималось посредством студенческих референдумов в процессе острой межпартийной дискуссии. В-третьих, в период забастовки и после нее общественная жизнь студенчества университетов и институтов регулировалась т.н. Центральными органами (ЦО), представленными общестуденческими Советами старост, Коалиционными советами, Центральными комитетами, а также факультетскими собраниями. Такие органы студенческого самоуправления избирались по партийным спискам на коалиционной основе путем, как правило, тайной подачи голосов. Это был беспримерный в дорумский период российской истории факт республиканского парламентаризма. В-четвертых, студенты впервые на своих собраниях столь открыто ставят вопрос о вооруженном сопротивлении власти. Такие резолюции принимаются повсеместно, например, 10-11 января 1905 г. студенческими

---

8. А.Е. Иванов, *Демократическое студенчество*, с. 176

9. Там же, с. 177–178.

10. Дьяконов, *1905 и 1906 годы в Петербургском университете...*, с. 9.

собраниями институтов Петербурга – Политехнического, Гражданских инженеров, Путей сообщения, Горного¹¹. И, в-пятых, от прежних и последующих эта всеобщая студенческая забастовка отличалась тем, что была самой продолжительной (январь-сентябрь 1905 г.).

Забастовка высшей школы еще более усугубила внутривластный кризис, разразившийся в России после «Кровавого воскресенья». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что власть не отважилась тушить революционный пожар на студенческом фланге привычными средствами – репрессиями, заняв выжидательную позицию. Только в мае 1905 г. Министерство народного просвещения после долгого бездействия отважилось пригрозить увольнением из учебных заведений бастующих студентов, а заодно и профессоров – за попустительство своим ученикам. Однако боязнь студенческих ответных действий заставила отступить. Весной 1905 г. все студенты были переведены на следующий курс, правда, «условно», без сдачи курсовых экзаменов.

В целом забастовочное движение студентов представлялось власти столь опасным и непредсказуемым, что в первой половине 1905 г. она предпочитала действовать осмотрительно и даже уступчиво. Экстренное совещание Комитета министров 16 марта 1905 г. осмелилось в известной степени перечить царю. На приказ последнего незамедлительно открыть занятия в высшей школе министры ответили, что это «не принесет практических результатов», а потому и рекомендовали до конца учебного полугодия оставить высшие учебные заведения «в настоящем их положении». Николай II согласился с этой рекомендацией¹².

И еще знаменательное следствие студенческой забастовки. Под ее впечатлением и воздействием правительство, движимое стремлением водворить взбунтовавшееся студенчество в учебные аудитории, пошло на такую экстраординарную меру, а точнее уступку, как «возвращение» высшей школе отобранной в 1884 г. автономии. 27 августа 1905 г., накануне нового учебного года были обнародованы «временные правила об управлении учебными заведениями Министерства народного просвещения» (17 сентября юрисдикция «Правил» была распространена на высшие учебные заведения прочих ведомств). Этим государственным актом профессорским коллегиям возвращалось утраченное право избрания ректора и его помощника, деканов и секретарей факультетов. Ректору теперь подчинялась и академическая «полиция» – инспекция студентов, прежде подчинявшаяся попечителю учебного округа и им же формировавшаяся. Названными фундаментальными атрибутами академической автономии территория университетов защищалась от вторжения полиции, обретая качество известной экстерриториальности, подобно той, что обладали европейские университеты.

---

11. Гусятников, *Революционное студенческое движение...*, с. 142-143.

12. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), ф. 733: Департамент полиции, оп. 153, д. 177, л. 6.

Идя на такую уступку либеральной профессуре, составлявшей большинство профессорского корпуса, грезившего утраченной академической автономией, правительство попыталось нейтрализовать ее разожженный революцией оппозиционный пыл, но не только. В своих полицейско-охранительных усмотрениях оно предполагало переключить общественную энергию профессуры с политики на «мирные цели» возобновления академических занятий. Тем самым, очень надеялась власть, учителя отвлекут учеников от участия в революционной смуте.

Вопреки видам правительства, общественный резонанс Временных правил 27 августа 1905 г. вышел далеко за пределы их строго академической предназначенности. Российским обществом они были встречены разногласиями оценок (от антагонистических до вполне благожелательных), но единодушно как закон чрезвычайной государственной значимости, являвшийся порождением общего правительственного курса 1905 г. «Временные правила» об академической автономии единодушно ставились в один ряд с рескриптом 18 февраля о разработке думского (Булыгинского) законопроекта и законом 6 августа о созыве I Государственной думы, наконец, Манифестом 17 октября¹³. Не случайно один из кадетских лидеров В.А. Маклаков написал: «Указ 27 августа носил отпечаток крайней поспешности. В этом он схож с позднейшим Манифестом 17 октября»¹⁴.

Большинство учащихся высшей школы в целом правильно определили существо «либеральных» маневров правительства. Они со зрелым политическим практицизмом использовали в революционных целях декларируемую Временными правилами 27 августа 1905 г. академическую автономию. «[...] Студенты праздновали только одно: завоевана автономия, т.е. право требовать невмешательства администрации во все дела учебного заведения, в его внутреннюю жизнь, а, следовательно, право делать все, что угодно, право какой-то экстерриториальности»¹⁵, – констатировал министр народного просвещения И.И. Толстой (кабинет С.Ю. Витте).

Введение в действие закона 27 августа 1905 г. совпало по времени с переломом в общественных настроениях студенчества. И это был явный просчет власти: она запоздала. К осени 1905 г. в студенческой среде возобладало убеждение: забастовка как тактический прием борьбы с самодержавной властью исчерпала себя. Разъехавшееся по домам студенчество утратило политическую остроту своего главного оружия – возможности согласованно действовать скопом. Поэтому-то чрезвычайный характер для студентов приобрела необходимость собраться вместе. Следует также учитывать усилившееся стремление молодежи возобновить приостановленные более чем на полгода

---

13. Временные правила 27 августа 1905 г. открыли череду «временных правил», обнародованных в конце 1905 – начале 1906 г.: «О повременных изданиях», «Об обществах и союзах», «О собраниях».

14. В.А. Маклаков, *Власть и общественность на закате старой России: (Воспоминания)*, Париж, 1936, с. 384.

15. *Мемуары графа И.И. Толстого*. М.: Индрик, 2002, с. 73.

учебные занятия, совмещая их с участием в политическом процессе. С введением «Временных правил» об автономии тактическая целесообразность возвращения студентов в стены высших учебных заведений стала безусловной. Общестуденческим лозунгом стало постановление одной из сходов: «Открытый университет больше имеет значения, чем университет бастующий»¹⁶. Молодая интеллигенция, совершая такой тактический поворот в своих социальных действиях, руководствовалась важной стратегической установкой: концентрация студенчества в крупных политических и экономических центрах страны, какими являлись университетские города, насущно отвечает интересам революции в момент приближения ее высшего подъема.

В свете этой установки на повестку дня студенческого антисамодержавного движения выдвинулась новая тактика «открытых дверей» высших учебных заведений для агитационных нужд революционного народа. Резолюцию об осуществлении этой тактики в сентябре 1905 г. приняли делегаты 23 высших учебных заведений Общестуденческого съезда в Выборге. Она преследовала цель подготовки учащейся молодежи к участию в общенародной политической забастовке и вооруженному восстанию. Резолюция была принята в ходе обостренной междупартийной дискуссии между сторонниками социал-демократов (большевиков и меньшевиков) и социалистов-революционеров. Последние настаивали: закрытие высшей школы должно быть «принципиальным положением». Они неизменно звали своих товарищей посвятить себя политической работе с крестьянином, «учить его социализму». В конечном счете, эсеры подчинились воле большинства коллег по учебе прекратить забастовку и вернуться в учебные аудитории. Среди таковых были и кадетообразные «прогрессисты», желавшие «открытия университета не только для политики, но также и для науки».

Постановление съезда о прекращении всероссийской студенческой забастовки в интересах консолидации младоинтеллигентских сил и усиления революционного напора на власть было поддержано учащимися подавляющего большинства высших учебных заведений, например, Московского университета (1202 голосами против 613); Петербургского (1702 против 243), Киевского (2000 против 23), Казанского (629 против 157), Томских университета и Технологического института (440 против 376) и т.д. При этом мотивация сторонников «открытых дверей высших учебных заведений» для революционного народа была неоднозначной. В Казанском университете, например, проголосовавшие «за» желали использовать его исключительно в «интересах революции», а в Юрьевском – в интересах совмещения политики с академическими занятиями¹⁷.

Возможность сочетания политики с возобновлением учебных занятий на некоторое время удерживала многих из колеблющихся на левом фланге студенческого движения. Такому компромиссу полярных интересов учащейся молодежи как раз и способствовали «Временные правила» 27 августа 1905 г. «Рядом с занятиями академическими, – вспоминал виттевский министр

16. *Русь*, 1905, 18 сент.

17. Иванов. *Демократическое студенчество...*, с. 183, 184.

народного просвещения И.И. Толстой, – шла параллельно и с самой откровенной энергией работа политическая: формирование боевых и иных дружин и кружков, широкая пропаганда и, наконец, организация митингов, причем эти последние стали одним из наиболее характерных и видных явлений в жизни высших учебных заведений»¹⁸.

И действительно, митинговая кампания стала главной исторической заслугой демократического студенчества перед Первой русской революцией. Развернутая в сентябре – первой половине октября 1905 г. в высших учебных заведениях, она обрела невиданные масштабы. Профессор М. Кирпичников вспоминал: Рабочие, приказчики, конторщики, инженеры, адвокаты, офицеры, солдаты и даже чины полиции находили себе прием в стенах высших учебных заведений. Здесь они то вырабатывали свои отдельные резолюции, то сливались в общей массе, составляя общенародный митинг. Случалось, что на митинге собиралось 10 и даже 15 тыс. человек»¹⁹. Высшая школа стала политической трибуной всех революционных и оппозиционных самодержавию сил. Именно здесь они впервые получили свободу слова и собраний. К середине октября преобладание на них получили рабочие. Составитель хроники событий в Петербургском университете А. Дьяконов в записи от 13 октября 1905 г. констатировал: «“Автономная” высшая школа вот уже несколько дней подряд превратилась в страстную трибуну. Десятки тысяч рабочих устраивают там или общие собрания или же, разбившись по производствам, в аудитории заняты вопросом скорейшего объединения. За эти дни студенчество как самостоятельная единица исчезло, растворившись в огромных пролетарских массах, помогая им неустанно и словом и делом, организуя и пропагандируя»²⁰.

Натиск революционных сил пробил новую брешь в системе самодержавия. Был издан Манифест 17 октября 1905 г. Этот государственный акт оказал существенное воздействие на расстановку политических сил в студенческом сообществе. Они все яростнее поляризуются. Более резко, чем прежде, обозначилась грань между теми, кто стоял за бескомпромиссное продолжение революционной борьбы, не исключая вооруженную, и теми, кто жаждал политического компромисса с властью, в том числе и в академических вопросах, полагаясь на декларированные ею гражданские свободы. Эти вторые, в конечном счете, и составили то студенческое большинство, которое, по мере продвижения революции к своему пику – Октябрьской всеобщей политической забастовке и Декабрьскому вооруженному восстанию в Москве все определеннее стало дрейфовать к обочине революционного потока – в стан политически индифферентных, не в смысле отречения от

---

18. Мемуары графа И.И. Толстого, с. 73.

19. М. К[ирпичников], *Университеты и другие высшие учебные заведения в их отношении к общественному движению 1904–1905 гг.*, Спутник избирателя в Государственную думу на 1906 год, СПб.: Ефрон, 1906, с. 63.

20. Дьяконов, *1905 и 1906 годы в Петербургском университете...*, с. 67.

республиканизма, а в результате переутомления от участия в нескончаемых с января 1905 г. политических акциях.

Охлаждали революционный пыл учащейся молодежи и репрессии властей, обострившиеся в октябре–ноябре 1905 г. и приведшие к закрытию большинства высших учебных заведений. Иногородняя молодежь вынужденно разъехалась по домам. И это большинство, распыленное по территории страны, утрачивало вследствие разобщения высокую социальную мобильность, свойственную территориально консолидированному студенческому сообществу. Многие из недавних бунтарей, грохотавших своими радикальными речами на студенческих и всенародных революционных митингах, «отрезвились и приблизились к своим умеренным отцам», – свидетельствовал меньшевистский публицист, студент Р. Выдрин. И далее: «Рядом с социалистическими партиями начинает приобретать все более и более идеология либеральной буржуазной демократии»²¹. В студенческой листовочной печати и прессе все более популярным становится лозунг: «Беречь университет как культурно-просветительный центр». Все малолюднее становятся студенческие политические митинги, некогда собиравшие тысячи участников. Теперь в них участвуют только наиболее стойкие «политики» и революционные романтики, из которых формировались студенческие боевые дружины и санитарные отряды, участвовавшие в арьергардных боях с самодержавной администрацией. Студенческое большинство оставило поле боя «безумству храбрых»...

* * *

Поражение революции снизило общественно-политический тонус студенческой повседневности. Все большее число студентов, включая недавних революционеров, стремилось погрузиться в учебное дело и заботы о собственном материально-бытовом благоустройстве. Главным генератором перемен в социальном поведении учащейся молодежи стали свежие послереволюционные пополнения ее состава. Студенты новых возрастных волн еще не испытывавшие искуса радикализма, представлявшие себе революцию понаслышке, изначально были ориентированы на иные, чем у их старших братьев ценности.

И все же, пустившее глубокие корни в студенческом социуме политическое разномыслие устояло перед нивелирующим воздействием перемен в социально-психологическом самочувствии учащейся молодежи послереволюционной поры. Сложившаяся к 1907 г. политическая структура российского студенчества сохранила свои очертания до февраля 1917 г., хотя текущий момент существенно менял соотношение сил, как между студенческими политическими лагерями, так и внутри их.

---

21. Р. Выдрин, *Основные моменты студенческого движения в России*. М.: Студенческий голос, 1908, с. 63.

Не утратило студенчество и способности к коллективным протестным действиям против произвола учебной администрации и репрессивной политики самодержавной власти. Студенческие беспорядки в различных высших учебных заведениях в 1908-1912 гг. показательны и характерны. Но они уже не имели того размаха, той всероссийской сплоченности и продолжительности по времени, которыми студенческое движение было отмечено в 1905 г.

Институт российской истории РАН

culture_iri@mail.ru